

2012/1 (7)

УДК 008:001.89

Содержание

Астафьева О. Н.
Разлогов К. Э.

Теоретическая культурология

Шеманов А. Ю.

Другой как «неспособный»:
социальный конструктивизм
vs. медиализация

Разлогов К. Э.

Духовное возрождение — миф
или реальность?

Историческая культурология

Кочеляева Н. А.

Взаимодействие механизмов
памяти и забвения
в исторической перспективе

Скибинская О. Н.

Культурно-исторические основы
исследования рода
в провинциальной российской
традиции

Прикладная культурология

Костина А. В.

Реклама как фактор формирования
аксиологического пространства

Мамедов Ф.

Человеческий капитал: возможности
культурологического подхода
к анализу и оценке

Румянцев М. В.

Лаптева М. А.

Зеленцова Е. В.

Мельвиль Е. Х.

Андреева С. В.

Междисциплинарное исследование
креативных индустрий
и творческой экономики
Красноярска

Диалог накануне юбилея

Аннотация. Становление культурологического направления исследований в России раскрывается через призму истории Российского института культурологии, отмечающего в текущем году юбилей. Анализируется процесс развития культурологии в системе отечественного социально-гуманитарного знания, его перспективы и возможности влияния культурологии на современное общество. Дается оценка трансформациям организационной структуры института, его взаимодействию с другими научными организациями и Министерством культуры Российской Федерации.

Ключевые слова: культурология, социально-гуманитарное знание, Российский институт культурологии, Министерство культуры Российской Федерации, Научно-образовательное культурологическое общество

Ольга Астафьева: В мае этого года Российскому институту культурологии исполняется 80 лет. Институт был создан в начале 1930-х гг., и с тех пор его судьба всегда была связана с отечественной культурой, ее приоритетами, развитием гуманитарных наук и наук о культуре. У каждого научно-исследовательского учреждения столь почтенного возраста есть своя история, традиции и даже мифология... Сегодня Институт обладает и определенным статусом в социокультурном пространстве России. Как бы Вы, Кирилл Эмильевич, охарактеризовали те перемены, которые произошли в Институте в последние два десятилетия?

Кирилл Разлогов: За 80 лет истории Институт и его роль и место в научной и культурной жизни страны, конечно же, изменялись неоднократно. Первоначально главной сферой приложения исследовательских усилий сотрудников института было краеведение, затем оно оказалось фактически вне закона, поэтому краеугольным камнем стали музееведение и охрана памятников. В тот момент, когда я познакомился с Институтом, а было это лет тридцать тому назад, он был явлением своего рода уникальным. Институт никогда не зависел от Министерства культуры СССР, он всегда был республиканским (РСФСР) и, более того, он относился к научным учреждениям так называемой третьей категории, что, с одной стороны, «гарантировало» его сотрудникам малый престиж

Гуманитарные исследования

Большакова А. Ю.
Теория архетипа и концептология

Селезнева Е. Н.
Методы концептуализации стилей наследования в истории культуры

Богатырёва Е. А.
Фактор времени в становлении культурных индустрий

Вислова А. В.
Культурные индустрии и театр

Малая культурологическая энциклопедия

Иконникова С. Н.
Кондаков И. В.
Костина А. В.
Шапинская Е. Н.
Высокие стандарты ученого и гражданина, воплощенные в жизнь: памяти А. И. Шендрика

К 80-летию Российского института культурологии

Астафьева О. Н.
Разлогов К. Э.
Диалог накануне юбилея

Рецензии

Черносвитов П. Ю.
Цивилизационная идентичность в переходную эпоху

Васильев А. Г.
Современная историческая наука — культурологии
Рецензия на книгу Л. П. Репиной «Историческая наука на рубеже XX–XXI вв.: социальные теории и историографическая практика»

Аванесова Г. А.
Культурологический дискурс в контексте современных социальных трансформаций

Научная жизнь

Зубов А. А.
Курова-Чернавина Н. С.
Энциклопедический текст на фоне

и низкую зарплату, а с другой — сюда на работу можно было брать людей неблагонадежных, тех, кому путь в академические институты был закрыт.

О А: Сегодня, как и в прошлом, Институт включен в систему Минкультуры России. Видимо, это всегда, в большей или меньшей степени, влияло на тематику проводимых здесь исследований. Как развивались эти отношения? Как удавалось ученым Института сохранять свои творческие приоритеты?

К Р: Мой предшественник, Вадим Борисович Чурбанов ориентировал Институт на служение Министерству культуры РСФСР. НИИ культуры того времени своей структурой во многом повторял это ведомство, и практический каждый отдел министерства имел в нем соответствующий сектор, на который он мог опираться. Кроме того, люди из министерства часто приходили сюда работать, а люди из Института переходили в министерство. Такого типа учреждение — институт, принадлежащий ведомству, с одной стороны, и обслуживающий конкретные интересы этого ведомства, с другой — было обычным для советского периода, да и сейчас многие ведомственные НИИ работают по этому же принципу.

С конца 1970-х и в 1980-е гг. Институт стал набирать очки (и достаточно быстро), благодаря тем людям, которые находили в нем прибежище и в известной мере создавали его интеллектуальную атмосферу. В этом проявилось его преимущество, о котором я уже говорил. Достаточно назвать таких знаменитых людей, как Даниил Дондурей, Вячеслав Глазычев, Андрей Фадин, Лен Карпинский, которые после перестройки стали звездами первой величины. Все они работали в Институте и создавали и ту самую атмосферу научного творчества, которая была необходима.

О А: Можно ли сказать, что ученые института влияли на формирование социокультурной среды «нового качества»?

К Р: Наверное, да. В свое время Институт, например, стоял у истоков разного рода деловых игр и, соответственно, такого рода практического вторжения в культурную жизнь. Именно на этих играх я познакомился с людьми, которые здесь трудились и с которыми затем я участвовал в экспериментальных разработках. Дальнейшая судьба, как всегда, оказалась парадоксальна: с приходом М. С. Горбачева и перестройки все эти люди, которые некогда были «задвинуты», получили свободу действия и тут же ушли из Института. Д. Дондурей стал главным редактором журнала «Искусство кино», В. Глазычев ушел руководить Фондом Сороса, А. Фадин стал политологом и известным журналистом, Л. Карпинский — главным редактором «Московских новостей».

В Институте была сильная архитектурная школа, которую представлял Михаил Гнедовский, сильная школа музейного проектирования. Можно сказать, что с уходом сотрудников в этот период стала сама по себе выстраиваться даже некая мифология. Я знаю, что один из наших социологов (а социологов в Институте было достаточно много) ушел с большим сожалением: здесь он занимался историей западной социологии, а стал рассчитывать размещение бензоколонок по Москве. Зато, как думали оставшиеся в Институте, зарплату он сразу стал получать ровно в сто раз большую, чем та, которую ему платили за научную

Коваленко Т. В.

О создании Южного филиала
Российского института
культурологии

работу. А руководитель Лаборатории музейного проектирования ушел делать музей Роснефти... И, видимо, не случайно мы в 2010 г. провели с азербайджанцами конференцию, которая называлась «Нефть и культура», потому что в России и других бывших республиках Советского Союза нефть является главным источником благосостояния.

Влияние ученых института определяется тем, кто из них и какое личное участие принимает в том, что происходит вокруг. Хотя звезды ушли и ушли достаточно удачно, у нас появились новые звезды, новые люди, которые имеют вес в творческой среде, и влияние Института распространяется по разным каналам. Если, например, публичное выступление Вадима Львовича Рабиновича всегда производит впечатление на широкую аудиторию, то эксцентричная наука, которой занимается Вадим Руднев, высоко ценится в узких интеллектуальных кругах. Я сам занимаюсь кино, телевидением и массовыми коммуникациями и поэтому имею определенное влияние на эту сферу.

ОА: Как Вам представляется, каковы были те «новые» факторы, которые утвердились в культуре в конце прошлого столетия? Как они воздействовали на Институт?

К Р: Важные нововведения в Институте были, конечно, связаны с нововведениями в культуре. Так, в нем появился, например, сектор экранной культуры, и в целом сфера исследований, которыми стал заниматься Институт, расширилась и вышла за пределы того, чем занималось министерство. Последнее, как известно, тоже трансформировалось и перестраивалось несколько раз, а Институт оставался стабильным и занимался, если и не напрямую, например, туризмом (хотя мы в какой-то степени касаемся этой проблематики), и уж точно массовыми коммуникациями. С моей точки зрения, и телевидение, и радиовещание, и, шире, вся сфера медиа является частью культуры.

О А: А как при этом складывались отношения с Министерством культуры? Расскажите, как удается (и удается ли?) избегать «конфликта интересов», если это вообще возможно в сложившейся ситуации?

К Р: С началом перестройки Институту в каком-то отношении стало легче, некоторых возможностей стало больше... Союзное министерство исчезло, республиканское, от которого он зависел, стало главным. Институт получил возможность развернуться и стал добиваться двойного подчинения — Академии наук и Министерству культуры Российской Федерации, но, с точки зрения кадров, он значительно ослабел. В. Б. Чурбанов, директор Института, который всю жизнь мечтал работать в ЦК КПСС, был приглашен туда незадолго до ликвидации этой организации. Именно в этот период разброда и шатаний, как сейчас говорят, «в ужасающие 90-е», а точнее — в самом конце 1980-х я принял участие в выборах руководителя Института, практике бессмысленной, поскольку руководитель, которого выбирает коллектив, это не руководитель, а, практически, человек подневольный. Однако эта псевдодемократическая процедура принесла мне успех, и в дальнейшем Институт стал меняться.

Во-первых, мы стали использовать ту относительную свободу, которую получили от министерства, добились права публиковать монографии, создали два докторских совета вместо одного кандидатского (не работавшего). Затем я сделал все, что было в моих силах, чтобы прекратить получение отдельными секторами Института поручений непосредственно от министерства и установил правила, по которым поручения шли только через дирекцию. Такая традиция работы

министерства с Институтом сохранилась и по сей день, и мы идем на те или иные уступки, поскольку продолжаем существовать в этом статусе. Сегодня тематика проводимых исследований утверждается министерством и формируется в свете государственных приоритетов. А творческие приоритеты сохраняются благодаря тому, что приоритеты государства формулируются столь абстрактно, что к ним можно отнести любую тему, которой интересуется конкретный ученый.

Если же говорить о взаимодействии науки и управления ею, государства и общества, то можно выделить два типа (системы) взаимоотношений. Первый из них связывает ведомство и коллектив традиционного НИИ, в котором исследователи занимаются любимым делом за небольшую зарплату; второй тип взаимоотношений предполагает государственный заказ на определенные исследования, и главной проблемой в этом случае является то, что люди соответствующей квалификации будут ими заниматься только при условии получения высокой заработной платы. Получается своего рода «перетягивание каната»: в интересах государства — заставить ученых заниматься тем, что интересует министерство, в порядке плановой работы, но ее оплата столь низка, что этим никто заниматься не будет. Поэтому такая работа, как правило, выполняется на договорной основе с министерством и другими организациями. Тут уже надо платить реальные деньги, потому что современная молодежь на зарплату меньше 40 тыс. рублей в месяц не идет, а это как раз зарплата директора Института (все остальные получают, естественно, меньше). Поэтому те люди, которые дееспособны, котируются на рынке труда, имея определенную репутацию, зарабатывают приличные деньги именно за счет договорных работ.

О А: Конечно, современное положение исследователя, ученого на рынке труда остается достаточно неопределенным. Как Вы думаете, что же движет людьми, которые не одно десятилетие работают в Институте? Что их объединяет?

К Р: Что движет людьми, которые здесь работают? Как говорил мой коллега, ныне покойный Алексей Ильич Комеч, в тех условиях, в которые были поставлены институты сферы культуры в переходный период, люди могут заниматься только своим любимым делом. Поэтому движет людьми в основном желание заниматься любимым делом невзирая на все трудности, и еще определенная атмосфера свободы интеллектуального поиска, которую я и мои коллеги пытаемся создавать по мере сил и возможностей. Пока нам удастся в этом отношении сдерживать бюрократию, но если мы больше этого не сможем, люди разойдутся и потеряют то, ради чего они работают в Институте. Наука, тем более наука гуманитарная, может развиваться только в атмосфере *относительной интеллектуальной свободы*. Полная свобода для этого не подходит, так как начинает казаться, что все уже достигнуто и ничего больше не нужно.

О А: Наука — это не только социальный институт и, тем более, не только организация. Это творческая лаборатория, где работают, производя нечто трудно уловимое — «социально-гуманитарное знание», — множество неповторимых, в разной степени одаренных и талантливых личностей. На мой взгляд, в «пространстве РИК» на сегодня достигнута определенная соразмерность между масштабами индивидуальных творческих достижений и статусно-ролевым вкладом каждого. Как Вы думаете, сохранится ли этот баланс?

К Р: Действительно, Российский институт культурологии — это такое научное сообщество, которое объединяет людей очень разных и при

этом развивается... Насколько это можно сохранить? Я считаю, что у каждого коллектива есть момент рождения, становления и есть момент смерти. У меня нет ощущения, что момент смерти нашего коллектива достаточно близок или катастрофически приближается. Мне кажется, что сфера, которой мы занимаемся, важна, плодотворна и актуальна. И ее актуальность будет существовать еще долго. А как Институт будет выживать в условиях перманентной революции организационных форм науки и Министерства культуры?.. Честно говоря, его судьба зависит не от научной плодотворности коллектива, а от степени адекватности проводимых реформ.

Естественно, что основной состав института омолаживается медленно, люди стареют. Хотя их влияние и велико, но они уходят из активной общественной жизни. Поэтому основная задача — омоложение кадров, привлечение молодых ученых, которых, конечно, трудно заинтересовать той зарплатой, которую платят в Институте, но можно заинтересовать работой, которая тут ведется.

О А: Как Вам кажется, о чем мечтают ваши коллеги?

К Р: Мои коллеги по Институту, скорее всего, мечтают о повышении зарплаты.

О А: В течение многих лет серьезных организационно-структурных изменений в Институте происходило не много: менялись только названия секторов, уточнялись исследовательские профили. Однако в течение последних трех лет в повестке дня Ученого совета, почти как дежурный пункт, стали появляться вопросы, связанные с созданием новых структурных подразделений и обсуждением соответствующих концепций. Структура института как-то неожиданно для многих стала преобразовываться. Отвечает ли это парадигме современной культуры, представлениям о ее разнообразии или это все-таки дань моде и результат новых финансовых условий, в которые, независимо от нашего желания, попадает Институт?

К Р: Строго говоря, изменение структуры Института идет постоянно начиная с 1932 г.; регулярно что-то новое появляется, регулярно приходят новые люди со своими интересами и предпочтениями и каким-то образом вписываются в его коллектив. От Института отделялись некоторые подразделения, превращаясь в самостоятельные организации. В 1990 г. был создан Государственный республиканский центр русского фольклора, генеральным директором которого сегодня является Анатолий Степанович Каргин, бывший заместитель директора Института. Был создан Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия им. Д. С. Лихачева, который взял на себя изучение географического измерения культуры, и туда ушло такое важное, я бы даже сказал, медийно важное подразделение как Морская арктическая комплексная экспедиция Петра Владимировича Боярского, созданная здесь в 1986 г. (Подразделение было очень сложное, такое, от которого по части финансирования у начальства болела голова, и я с чувством облегчения отдал его, хотя понимал, насколько это интересно.) Такие «нетрадиционные» направления исследований сейчас возрождаются, например, подводная археология.

Большим преимуществом Института, с моей точки зрения, является то, что мы можем взять на работу любого специалиста, интересующегося культурой, поскольку профиль Института чрезвычайно широк. Однако те направления, которые нам хотелось бы развивать, не всегда могут быть обеспечены кадрами именно в силу специфики ситуации на рынке труда.

Я уже говорил о социологии и социологах. В принципе, социологические исследования были бы очень нужны для того, чем занимается Институт.

Что касается интенсификации структурных изменений в последние годы, то она связана с изменением общей ситуации в научной жизни, и не только у нас в стране, но и в мире. Меняется система распределения финансов в науке; меняются представления о роли научных фондов; меняется система международных связей, от которых институт в течение долгого времени был изолирован. Поэтому возникла необходимость так или иначе развивать его в тех направлениях, в которых он раньше развивался в наименьшей степени.

Возникла необходимость расширения международных связей Института, точнее — необходимость вписать его в международное разделение труда по части науки. У отдельных сотрудников есть определенная международная репутация, некоторые имеют и мировую известность, но это относительно небольшое количество людей. Создание международных центров, которые будут работать точно, нацеливаясь на конкретное взаимодействие с той или иной страной, с культурой той или иной страны, с ее соответствующими организациями, — это относительно новое направление, которое, если проводить аналогию, я бы сопоставил с появлением 3D в кинематографе, со стереокино. Вместо плоскостного представления об Институте, которое существовало довольно долго, появляется представление объемное, более масштабное и, на мой взгляд, более перспективное.

Насколько это отвечает особенностям современной культуры? Конечно, отвечает. В современной культуре есть две тенденции: одна тенденция к интеграции, выражающаяся в глобальной массовой культуре (это средства массовой информации, кино, телевидение, Интернет, новые технологии), тоже международной по своей природе; другая тенденция — растущие дифференциация и разнообразие, растущее число культурных сообществ, которые нужно исследовать и в которые нужно в той или иной форме вписываться, особенно, если это не только культурные, но и научные сообщества. Поэтому — умножение небольших, но мобильных организационных единиц, которые работают не в традиционном режиме секторов, а в режиме проектов (самый современный режим работы, отвечающий и современным особенностям науки и современным особенностям культуры). И, конечно, это результат новых экономических условий и финансирования. Мы зависим от него, поскольку такое финансирование соответствует новым условиям работы.

О А: Сегодня очевидно, что серьезным образом изменилось и информационное пространство вокруг Института. Растет посещаемость его сайтов, есть у него и своя постоянная аудитория в социальных сетях. Не последнюю роль в этом сыграло учреждение профессиональных журналов: теперь и сам Институт, и его Петербургское отделение, и Сибирский филиал имеют собственные бумажные и электронные периодические издания. Сейчас даже трудно себе представить, что Институт не имел собственной периодики. Было ли это результатом какой-то политики в отношении Института или все-таки социокультурный контекст был менее «медийным»?

К Р: Что касается создания журналов, то оно в какой-то степени было простимулировано, на мой взгляд, довольно неоднозначной идеей ВАК иметь особые журналы для публикации результатов исследований. Чтобы не участвовать в коррупции, нам показалось интересным создать собственные журналы, которые, не будучи коррупционными, дадут возможность нашим аспирантам и научным сотрудникам регулярно

выступать в печати. Конечно, есть сотрудники, которые публикуются во многих других журналах, но наличие своей периодики полезно.

Почему их не было раньше? Потому что юридически и организационно это достаточно сложная вещь, и только с появлением Интернета ситуация несколько упростилась. Часть наших журналов формально публикуется издательствами, а не Институтом, поскольку периодически возникают запреты Минкультуры России на финансирование издательской деятельности (Роспечать не подчиняется Министерству культуры Российской Федерации). Кроме того, у Института есть достаточный научный потенциал для того, чтобы обеспечивать высокий уровень публикаций.

Нам хочется иметь некую платформу для обсуждений, которой являются институтские сайты и что до некоторой степени обеспечивается присутствием института в Facebook. Но если журналы у институтов существовали и раньше, в частности — у академических (а у нас их не было, потому что наш Институт относился к третьей категории), то социальные сети появились недавно. Их параллельно осваивают все, кому не лень, а так как нам не лень, то мы тоже их стараемся осваивать, увеличивая таким образом резонанс наших работ.

О А: Возвращаясь к содержательным аспектам деятельности Института, хотелось бы обратиться к дисциплинарным проблемам культурологии и попытаться оценить ее влияние на проблемную ориентацию современного социально-гуманитарного знания. Подходы к изучению культуры исторически изменяются, поскольку тенденции научного познания формируются не только под воздействием внутренней логики саморазвития, но и испытывают влияние динамичного социокультурного контекста. В этой связи возникают самые разные вопросы. Насколько культурология 1990-х гг. (периода становления ее проблемно-предметного поля) отличается от современной? Прибавляет ли сегодня культурология к знаниям о мире культуры нечто *свое*? Не растворилась ли она в других социально-гуманитарных пространствах, как это предрекали наши оппоненты, ставя нас в позицию «защищающихся» и при этом всячески критикуя культурологию за безбрежную междисциплинарность и беспредметность?

В свое время научное пространство культурологии ее оппоненты сжимали, пользуясь самыми разными средствами (достаточно вспомнить о сокращении таких научных специальностей, как прикладная и историческая культурология), и, возможно сами того не осознавая, принижали таким образом статус гуманитарной науки. Мне кажется, что один из стратегически правильных шагов был предпринят Институтом и Вами, Кирилл Эмильевич, когда дискуссии о культурологии были выведены на площадку «Белых Столбов».

Переведя споры о культурологии в пространство диалога, культурологи Института продемонстрировали научному сообществу свои очевидные достижения и обнаружили несомненные ограничения, которые в большей или меньшей степени характерны для любого научного направления или дисциплины. Как вы считаете, что ценного было приобретено в ходе дискуссий, организованных в Белых Столбах (помимо уже сохраненных для будущих поколений стенограмм дискуссий с антропологами и этнологами, социологами и философами, филологами и искусствоведами)? Как долго мы будем заниматься «демаркацией» междисциплинарных границ?

К Р: Проблема такой демаркации, на мой взгляд, условна, а есть

специалисты, которые считают, что в современной науке она вообще не имеет значения. Современная наука, как и современная культура, живет проектами, проекты создаются на основе самых разных методологических принципов, самыми разными специалистами, и никому нет дела, к какой науке относится тот или иной метод. Все это было бы хорошо, если бы организация науки в нашей стране не строилась по противоположному принципу. Бюрократическая система организации науки уходит своими корнями в Академию наук не столько России, сколько советского, сталинского периода. Она продолжает сохраняться, а с ней сохраняется и демаркация, специализация, перечни научных специальностей и т.п. И если ты хочешь так или иначе получить доступ к целевому академическому финансированию, то, естественно, нужно в эту систему вписываться, иначе все культурологические заявки, которые подают сотрудники Института, попадают либо на периферию социологии и отклоняются, либо на периферию философии, либо на периферию истории — и опять же отклоняются, потому что то междисциплинарное пространство (центральное для современной культуры и современной науки), в котором работают люди, называющие себя культурологами, находится на дисциплинарной периферии. С одной стороны, это продуцирует огромное количество книг, множество самых разных лекционных курсов по культурологии и огромное количество специалистов, с другой, вызывает дикое сопротивление профессиональной среды, которая видит в этом в основном конкуренцию.

Поэтому дискуссии в Белых Столбах с представителями сопредельных областей знания имели своей целью не столько признание культурологии (не признавать ее уже нельзя — она, например, занимает многие полки в книжных магазинах), сколько выяснение, каково ее проблемное и методологическое поле, как она сочетается с другими дисциплинами. В результате дискуссий выяснилось, что *каждая дисциплина может претендовать на всё* (и поэтому все они взаимно пересекаются на всей территории). Некоторые исследователи, напротив, более жестко определяют свои собственные профессиональные границы (хотя нужно понимать, что эти границы условны, особенно в области социального и гуманитарного знания, где многие вещи определяются не на основе каких-то объективных критериев, а являются результатом договоренностей между учеными, связаны скорее с творческой интуицией, а не с какими-то методологическими принципами, с чем мы и столкнулись в ходе дискуссий).

Что же касается самого процесса институционализации культурологии, то, помимо существования Российского института культурологии, помимо кафедр культурологии и т.п. идет ее повсеместное утверждение. Естественно, многие видели в этом опасность, на определенном этапе видели в этом опасность философы, поскольку экзамен по философии был составной частью подготовки специалистов и аспирантов. Они испугались, что культурология займет эту нишу, так как у нее больше оснований для того, чтобы быть общей дисциплиной, необходимой для каждого специалиста высокого научного уровня. Мы не стали из-за этого бороться с философией, и думаю, что история сама рассудит, как и в какой форме все это будет существовать и будет ли существовать вообще.

Вторая проблема, которая сегодня стоит и к которой мы сейчас будем переходить на обсуждениях в Белых Столбах, — это соотношение между российской и международной системой наук. Нужно сказать, что в международную систему наук наша система вписывается далеко не

полностью, да и непоследовательно. Так, на Западе в принципе есть общее деление наук, которое касается в том числе и ученых степеней: это PhD в социально-гуманитарных науках либо естественнонаучная степень. Это большое деление сохраняется, все остальные факультативны. С другой стороны, если брать близкую нам сферу, то здесь существуют несколько научных направлений, отличающихся друг от друга в зависимости от акцентов, которые они ставят.

Кроме того, в нашей науке отсутствует широкое понимание необходимости соединения всех наук о человеке, которые на Западе объединяются термином «антропология». Антропология объединяет вообще все науки о человеке, и у нас был Институт человека, созданный Иваном Тимофеевичем Фроловым именно как глобальный институт, объединявший биологию и философию (он был ликвидирован и включен в состав Института философии). И, на самом деле, он потенциально мог бы стать таким большим институтом. Сейчас эту роль отчасти выполняет этнология — и, соответственно, Институт этнологии РАН, поскольку его руководство понимает современное направление развития науки и включило антропологию в сферу своего влияния. Культурология, естественно, очень близка антропологии, и культурная антропология является ее частью, будучи одновременно составной частью антропологии. (Но это уже глобальная проблема, которая касается не столько демаркации наук, сколько самоопределения исследователей — с кем тебе иметь дело, кто твои коллеги и т.п.).

Наши коллеги на Западе занимаются тем, что они сами называют *cultural studies*, или исследованиями конкретных явлений культуры, *cultural anthropology*, или исследованиями фундаментальной культурологии, и тем, что у них называется *cultural history* и что мы называем, соответственно, «исторической культурологией», в отличие от истории культуры. Здесь очень много проблем, в том числе — связанных с методологией науки, и нашей науки в частности, которые, конечно, нуждаются в исследовании и решении. Кроме того, они *вливают на практику научной жизни*. Поэтому когда мы этим занимаемся, то никогда не упускаем из виду, что борьба за «место под солнцем» есть составная часть научной жизни, не всегда непосредственно связанная с самой наукой.

О А: Как Вы думаете, Кирилл Эмильевич, современным российским культурологам чего-то не хватает для того, чтобы их концепции и идеи получили признание (или хотя бы начали циркулировать) в пространстве мировой научной мысли о культуре?

К Р: Я полагаю, что концепции и идеи российских культурологов широко циркулируют в мире, и, например, Михаил Михайлович Бахтин и Юрий Михайлович Лотман являются звездами мирового масштаба и именно культурологами. Хотя Бахтин занимался эстетикой, а Лотман — литературой, оба они и известны как культурологи и именно потому, что они вышли за эти пределы — Лотман благодаря семиотике, Бахтин благодаря особому пониманию проблем философии. Российские культурологи, имеющие достаточно серьезные достижения, работают в западных университетах, например, Вячеслав Всеволодович Иванов. Это, кстати, касается и сотрудников Института, которые часть времени проводят в японских университетах, а часть — в Москве. Создание новых центров как раз и должно стимулировать такое взаимодействие и обмен.

Что касается известности в мире, то пути ее приобретения известны: нужно писать на английском языке, печататься в англоязычных журналах... Понятно, что в нашей области трудностей больше, чем в

естественных науках, поскольку химики и математики говорят на одном языке, а в гуманитарных науках разногласия больше, проблем и преград больше для неанглоязычных ученых. Однако новое поколение ученых уже владеет языками, ездит на стажировки. Есть, конечно, влиятельные ученые, которые говорят об особом пути России и принципиально не говорят по-английски. Распространение их знаний и представлений о культуре происходит на национальном уровне, что тоже имеет большое значение, поскольку каждая страна обладает своими национальными особенностями, традициями, национальной культурой... А культурология именно для того и существует, чтобы это исследовать и выражать.

И те самые две тенденции мирового развития, о которых я уже говорил, диверсификация и интеграция проявляются в развитии нашей науки. С одной стороны, она обособлена от мира, как и русская культура, внутри которой есть огромное количество культурных сообществ, которые обособлены друг от друга, противостоят друг другу, «воюют» друг с другом, и это не только религиозные или этнокультурные сообщества. С другой стороны, мы вписываемся так или иначе в мировую практику научных исследований, хотя понятно, что Запад, скажем, будет высоко ценить анализ «свинцовых мерзостей» русской жизни, но не будет проявлять особого интереса к процессу обуржуазивания России, потому что оно очень похоже на аналогичные процессы в других развивающихся странах. Поэтому, для того чтобы стать известным в мире, надо ловить научную, культурную, художественную и идеологическую конъюнктуру.

О А: Пять лет назад мы с вами вместе с нашими коллегами из Санкт-Петербурга и Москвы стояли у истоков создания Научно-образовательного культурологического общества. Может ли это профессиональное объединение культурологов повлиять на социокультурную ситуацию в России?

К Р: Я думаю, создание общества скорее отражает социокультурную ситуацию, чем влияет на нее. Отдельные люди обладают повышенным даром влияния, но задачи культурологии скорее состоят в том, чтобы анализировать и отражать, нежели непосредственно вторгаться в саму жизнь, поскольку культура, как известно, существует по своим законам, или очень сложно поддается воздействию. У нас политические элиты пытались воздействовать на культуру множество раз, и всегда это заканчивалось не самым лучшим образом. Нужно объяснять, что такое специфика культуры, что с ней можно делать, а что нельзя, а степень своего влияния следует оценивать трезво.

О А: Кирилл Эмильевич, Вы не относитесь к тому типу руководителей, который заигрывает со своими коллегами и подчиненными. Однако стиль «регулируемой демократии» позволяет вам поддерживать дружеские отношения практически со всеми сотрудниками института, не обнажая без надобности личные симпатии или антипатии. Трудно ли возглавлять институт почти два десятка лет, «сохранять свое лицо», профессиональный авторитет и не мешать росту других?

К Р: Как я неоднократно говорил, наиболее плодотворный, на мой взгляд, способ руководства в науке — это предоставление людям свободы делать то, что для них интересно, и то, в чем они видят свое призвание. Как правило, заставить людей что-то делать организационными методами сложно, они просто уходят в другое место... Естественно, коллектив в Институте сложный, есть личностные конфликты, эмоции и страсти разгораются по научным и ненаучным поводам, и это иногда трудно гасить. Пока мне это удастся, но, может

быть, когда-нибудь я устану и спокойно перейду на должность научного сотрудника, чтобы страсти развивались помимо меня. В силу того, что у меня разнообразные научные интересы и во многом они развиваются независимо от Института, хотя и вписываются в его проблематику, мое лицо — это мое лицо, лицо института — это лицо института. Другой способ руководства для меня неприемлем, но, возможно, на каком-то этапе развития отечественной науки он потребуется, и тогда меня сменит кто-то более молодой и технократичный.

О А: Каким Вам представляется имидж института? Каким Вы хотели бы видеть Институт в перспективе ближайших, скажем, десяти лет?

К Р: Имидж Института, конечно же, развивается естественным путем — изменилось название, меняется репутация... На мой взгляд, он двойственный. С одной стороны, мы занимается экспертизами, которые нередко вредят имиджу нашего Института, но соответствуют нашему законодательству. С другой — в Институте есть звезды, которые этот имидж поддерживают, но поскольку это люди в основном преклонного возраста, то опять приходится говорить о проблеме молодых кадров, которые будут звездами завтра. Но важна не только смена поколений. Я неоднократно говорил, что любая система ориентированная только на самосохранение, а таких систем в нашей стране много, начиная с политической, обречена на неудачу и быструю гибель. *Система должна быть ориентирована только на развитие.* Я делаю все возможное, чтобы не почивать на лаврах, как это свойственно пенсионерам, а искать новые пути развития, точки роста, поддерживать тех, кто стремится к новому знанию, методологии, созданию новых профессиональных связей. В частности, сейчас мы расширяем систему своих филиалов — у нас есть отделения в Омске и Санкт-Петербурге, надеемся, скоро будет филиал на Юге России.

С каждым филиалом сопряжены свои трудности, но расширение их сети — одно из активных направлений. Второе, как я уже говорил, — это создание центров, ориентированных на международные связи. Третье и очень важное направление — развитие тех сфер знания и деятельности, которые Институт унаследовал от прошлого, начиная с краеведения, памятниковедения и музейного проектирования и заканчивая проблемами управления, социологией и экономикой культуры, которые институт какое-то время развивал. Тогда это происходило в жесткой конкуренции с Государственным институтом искусствознания, в котором на определенном этапе союзное Министерство культуры создало подразделение, делавшее для него ту же работу, которую НИИ культуры выполнял для республиканского министерства. Когда система схлопнулась и вместо двух министерств осталось одно, этот элемент дублирования проявился.

Сейчас эти вопросы отошли на второй план, так как из обоих институтов люди, профессионально занимавшиеся данными проблемами, ушли работать в другие организации и на более высокую зарплату. Значение этого направления ослабело, и мне не очень нравится эта эволюция, поскольку управление, экономика и социология как сферы исследований необходимы, независимо от того, обслуживаем мы министерство или нет. оказались достаточно конкурентными и люди, которые занимались этим делом, Так что имидж института сейчас определяется гуманитарными исследованиями культуры, и я думаю, что они, плюс музееведческие исследования и проекты, в какой-то степени обеспечивают стабильность Института, хотя главное, конечно, это ростки, которые идут в новых, зачастую неожиданных направлениях, связанных с

развитием новых технологий или нового пониманием культуры. Но это вопросы уже завтрашнего дня, где маячит виртуальный институт в Интернете, которым со временем может стать и Российский институт культурологии.

О А: Спасибо, Кирилл Эмильевич! Помню ваши прогнозы о будущем экранной и массовой культуры, которые оказались достаточно точными. Проверим Ваши предвидения через десяток лет. А пока пожелаем нашим коллегам творческих успехов в юбилейном году!

Беседа состоялась 5 марта 2012 г.

Материал подготовлен к публикации Т. С. Федоровой

© Астафьева О. Н., Разлогов К. Э., 2012

© Федорова Т. С., подготовка к публикации, 2012

© Назарова Н. В., фото, 2012

Материал поступил в редакцию 12 марта 2012 г.

Разлогов Кирилл Эмильевич,

доктор искусствоведения, профессор,
директор, Российский институт культурологии (Москва),
e-mail: kirill.razlogov@gmail.com

Астафьева Ольга Николаевна,

доктор философских наук, профессор,
заведующая Сектором стратегий социокультурной политики,
Российский институт культурологии (Москва),
e-mail: onastafieva@mail.ru

Федорова Татьяна Сергеевна,

заведующая Сектором проблем научной информации,
Российский институт культурологии (Москва),
e-mail: cr-journal@cr-journal.ru

UDC 008:001.89

***Razlogov K.
Astafieva O.***

A Dialogue on the Eve of the Anniversary

Abstract. The issues concerned with the cultural research and culturology as an academic discipline are revealed through the lens of the recent history of the Russian Institute for Cultural Research, which is celebrating its 80th anniversary this year. The process of establishment of culturology within the social sciences and the humanities, its subject matter and interdisciplinary links, development prospects and social impact are analysed. The dialogue participants evaluate the evolution of the Institute's organisational structure, its co-operation with the Ministry of Culture of the Russian Federation, other academic units, etc.

Key words: cultural research, culturology, social sciences and the humanities, Russian Institute for Cultural Research, the Ministry of Culture of the Russian Federation

Razlogov Kirill Emilievich,

Doctor in Arts History, Professor,
Director of the Russian Institute for Cultural Research (Moscow),
e-mail: kirill.razlogov@gmail.com

Astafieva Olga Nikolaevna,

Doctor in Philosophy, Professor,
Head of the Department for Strategies of Sociocultural Policies,
Russian Institute for Cultural Research (Moscow),
e-mail: onastafieva@mail.ru

Fedorova Tatiana Sergueevna,

Head of the Scientific Information Department,
Russian Institute for Cultural Research (Moscow),
e-mail: cr-journal@cr-journal.ru